

потребительских мещанских настроений и других пережитков прошлого. В воспитательной работе среди студентов необходимо целеустремленное использовать силу общественного мнения коллектива.

Повышение требовательности к качеству подготовки специалистов, рациональному сочетанию их теоретических знаний с умением решать практические вопросы немислимо без дальнейшего расширения и укрепления связей вузов с правоохранительными ведомствами. Прежде всего в активизации нуждается совместная деятельность вузов и правоохранительных органов по улучшению подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров. Представляется, что министерства и ведомства призваны более широко участвовать в укреплении материальной базы вузов. Дальнейшее развитие деловых связей юридических институтов с правоохранительными ведомствами позволит улучшить планирование подготовки специалистов, всесторонне учесть потребности органов прокуратуры, юстиции, внутренних дел в кадрах, повысить уровень организации производственной практики и стажировки.

Список литературы: 1. Материалы XXV съезда КПСС. М., Политиздат, 1976. 256 с. 2. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем развитии высшей школы и повышении качества подготовки специалистов». — Правда, 1979, 12 июля. 3. Постановление ЦК КПСС «Об улучшении работы по охране правопорядка и усилении борьбы с правонарушениями». — Правда, 1979, 11 сент. 4. Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 3. М., Политиздат, 1972. 536 с.

В. М. Горшенев, д-р юрид. наук

Харьковский юридический институт

О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В СОВЕТСКОМ ПРАВЕ

Проблема преемственности в советском праве и юридической науке — это не просто попытка отразить диалектику развития правовой системы, проследить проявление в данном процессе закона отрицания отрицания, как это подчас пытаются показать отдельные авторы. Главным образом, особенно в строго профессиональном плане, это проблема уточнения исторической индивидуальности самого содержания советского права как своеобразного и специфического социального феномена. Иными словами, проблема преемственности должна выражаться в решении вопроса о том, что, в каком объеме социалистическое право вообще и советское право в частности в историческом аспекте и в плане сотрудничества с другими социальными явлениями могут вбирать в себя и к чему они должны отрабатывать, так сказать, социальный иммунитет, социальную невосприимчивость.

В марксистско-ленинской юридической науке проблемы преемственности освещены довольно обстоятельно. Особенно содержательным является труд болгарского ученого-юриста Н. Неновски [6]. Интересные соображения по этому вопросу высказывает В. К. Бабаев [4]. Не предпринимая критического анализа существующих мнений и не вступая в дискуссию по целому ряду спорных вопросов, отметим такие моменты, которые еще не ставились в литературе, но имеющие принципиальное значение для нашей юридической науки и практики государственно-правового строительства.

Представляется, что советская наука, решая непосредственную задачу более детальной и оптимальной отработки содержания советского права, определения его составных компонентов, непременно должна учитывать целый ряд чрезвычайно существенных обстоятельств и принципиальных выводов марксизма-ленинизма. Эти моменты должны служить не только методологической основой получаемых в ходе исследования права выводов, но и выполнять функцию тех эталонов, с которыми следует сверять правомерность и правильность введения в обиход и широкого использования того или иного юридического средства или научной категории и соответствующего объяснения проведенных изменений. К числу таких фундаментальных обстоятельств, на наш взгляд, нужно отнести два. Первое состоит в том, что советское право как право нового исторического типа в корне отличается от буржуазного права по самым существенным моментам: оно выражает волю абсолютного большинства трудового народа; защищает самый справедливый социальный принцип: «От каждого по способностям, каждому — по труду» и отрицает всякую свободу частного предпринимательства; направлено на создание атмосферы наибольшего благопритествования труженику. Иначе говоря, это такая правовая система, которая обслуживает интересы труженика-созидателя, а не собственника-потребителя, чем прежде всего характеризуется буржуазное право. Эта необычность социалистического права позволяет дать ему совершенно иную характеристику как подлинного и наиболее эффективного нормативного регулятора, представляющего собой величайшее открытие и начало новой эпохи — подлинной истории развития системы управления общественными процессами. Именно данное обстоятельство предполагает, что в ходе становления социалистического права при поисках и выборе конкретных правовых институтов и нормативных предписаний следует проявлять определенную осторожность и разумную предусмотрительность, исключаящие всякое непродуманное заимствование из буржуазных правовых систем. В. И. Ленин в одной из заметок Д. И. Курскому по поводу проекта ГК обращал внимание на необходимость принципиального отмежевания от буржуазного права, из которого нужно брать только то, что связано с защитой трудящихся. Причем

он специально подчеркивал, что это является лишь одним моментом и что самое важное — «не угодить «Европе», а продвинуться дальше в усилении вмешательства в «частноправовые отношения», в гражданские дела. Как именно надо это сделать, я не могу сказать, ибо не в состоянии ни изучить вопроса ни вникнуть хотя бы в отдельный кодекс. Но что это надо сделать, для меня ясно. Что нам сейчас грозит опасность — в этой области не доделать (а не опасность «пере»делать), это тоже для меня вполне ясно» [2, с. 412]. Следовательно, ленинский подход заключался в том, что при формировании советского права и особенно такой его отрасли, как гражданское право, нужно решительно преодолевать цивилистическую традиционность и что в этом плане особенно пагубно что-то недоделать, что-то не продумать.

Второе обстоятельство, которое следует учитывать при решении проблемы преемственности, имеет непосредственное отношение к общеправовому праву, т. е. к такому социальному феномену, который развивается уже на своей собственной основе и который даже условно не может квалифицироваться как «буржуазное» право. Это предполагает занятие более принципиальной позиции при практическом и теоретическом разрешении проблем преемственности. И главным здесь должен быть вывод о том, что современная практика развития советского права должна полностью исключать какие-либо заимствования из правовых систем современного буржуазного мира.

С позиции учета этих бесспорных обстоятельств представляется возможным несколько по-иному проанализировать конкретное состояние преемственности в социалистическом праве и его социальные результаты. Позитивная сторона данного процесса очевидна и не вызывает сомнений. Значительно больший интерес представляет научный поиск тех издержек, которые имели место в процессе преемственности социалистического права на первом и втором этапах его становления. Сейчас, по-видимому, вполне справедливо можно отметить, что многие заимствования, допущенные при формировании отдельных отраслей советского права, были результатом далеко не продуманного подхода к оценке социалистического права как необычного социального феномена. Известно, например, что гражданский кодекс, принятый в первые годы Советской власти, а также некоторое последующее законодательство представляют собой почти дословное воспроизведение гражданского законодательства Западной Европы. Причем это оправдывалось тем, что не было времени для детальной разработки «собственного» социалистического гражданского кодекса. Любопытно в этом плане замечание П. И. Стучки, который в 1931 г. писал: «Наш кодекс (ГК) ввиду краткости его изготовления пришлось почти целиком и дословно списать с лучших образцов гражданского права Запада. Задаваться целью создать что-либо оригинальное мы

не могли, ибо тогда в гражданско-правовой области мы не могли в точности определить ни пределов окончательного отступления, ни дать новых форм строительства» [7, с. 125]. Таким образом, допущенная в свое время несомненная социальная издержка была следствием недостатка времени и отсутствия соответствующего научно-теоретического потенциала. Все это, конечно, должно быть учтено и положено в основу серьезного и интенсивного научного поиска как путей окончательного отступления от всякого буржуазного влияния, так и изобретения новых юридических форм социалистического правового регулирования в последующие годы. Однако обстановка культа личности и трудности, вызванные Великой Отечественной войной, привели к тому, что это откровенное признание юриста-марксиста было забыто или ему не придали особого значения. Поэтому и современные гражданские кодексы, принятые уже в шестидесятых годах, не отличаются той оригинальностью и исключительной новизной формы, о которой заботился В. И. Ленин, о которой с искренней заинтересованностью говорили в тридцатых годах ученые-марксисты.

То обстоятельство, что до 40-х годов нашей юридической практикой и наукой не была разработана оригинальная модель подлинно социалистического гражданского кодекса, с точностью устанавливающая пределы окончательного отступления от буржуазного гражданского права и дающая новые формы правового регулирования гражданского оборота, послужило, по-видимому, основанием некоторой стабилизации понятийного аппарата юридической практики и в своей совокупности в какой-то мере также определило современное состояние нашей юридической науки, в частности гражданского права. В этой отрасли особенно четко обнаруживаются два направления: традиционно цивилистическое и новаторское, сторонники которых расходятся главным образом по проблемам хозяйственного права. Представители первого направления, воспитанные на традиционных цивилистических концепциях, сформулированных еще на базе буржуазного права, которое восприняло основные институты римского частного права, никак не могут согласиться с тем, что в современных условиях развития социалистического общества есть абсолютно все основания для того, чтобы в научном плане констатировать создание самостоятельной отрасли права — хозяйственного права, автономной и обособленной от гражданского права. Да и гражданское право в социалистическом обществе имеет принципиально новое содержание и назначение, лишённое главного в традиционном цивилистическом аспекте; утверждение принципа свободы частного предпринимательства. В этом плане заслуживает внимания цивилистическая практика ЧССР, где, как известно, в конце 1964 г. было проведено четкое размежевание в сфере хозяйственных и гражданских отношений и соответственно изданы два самостоятельных кодекса: хозяй-

ственный и гражданский. В этих законах более последовательно проводится принцип исключения каких-либо существенных заимствований из буржуазного гражданского права. Например, ГК ЧССР отказался от традиционной цивилистической терминологии по таким важнейшим моментам, как субъективный состав гражданского оборота, где участники именуется гражданами и социалистическими организациями, в тексте закона нет каких-либо упоминаний о «физических» и «юридических» лицах (см. ч. I гл. II). Наиболее четко выделена приоритетность гражданина перед социалистическими организациями в гражданском обороте. Последние, кстати, обязываются оказывать соответствующие услуги гражданам (см. ч. IV гл. I) и т. д.

Есть много оснований и обстоятельств, которые подтверждают правильность мнений тех советских ученых, которые обосновывают факт складывания в нашей системе права самостоятельной отрасли хозяйственного права, свидетельствующий, что социалистическое право — это именно своеобразный, оригинальный социальный феномен, с одной стороны, исключающий преемственность от предшествующих правовых систем, а с другой — заключающий в себе структуру, в корне отличную от буржуазного права.

Одной из особенностей структуры советского права является также соответствующее перераспределение отраслей в их иерархической и субординационной характеристике, наполнение совершенно новым содержанием всех его отраслей. В связи с этим трудно согласиться с мнением отдельных ученых, которые при моделировании иерархической структуры общенародного права по традиции выделяют в качестве профилирующих отраслей гражданское, административное и уголовное право. Такие же отрасли, как, например, трудовое право, они относят к производным от административного и зачисляют его в разряд специальных наряду с семейным, земельным правом. Хозяйственное же право вообще не выделяется как самостоятельная отрасль в системе советского права [3, с. 218].

Такой подход, к сожалению, не учитывает коренных изменений, происшедших в структуре связей в развитом социализме, и не соответствует основополагающим конституционным положениям, установившим четкую иерархию в соотношении социальных связей. Как известно, Конституция СССР отдает предпочтение политическим отношениям и поэтому ставит их в первый ряд (см. гл. 1); далее идут экономические (гл. 2) и социальные (гл. 3) отношения. Причем в системе экономических отношений на первом месте стоят именно хозяйственные связи как непосредственный предмет регулирования соответствующего блока нормативных предписаний, которым, несомненно, и является хозяйственное право. Особенно значимо здесь то, что Основной Закон в ст. 13, 14 предельно четко выделяют на первый план трудовую активность человека в условиях развитого

социализма и тем самым отдает предпочтение трудовым отношениям, а не связям гражданского оборота, основанным на личной собственности граждан как блага, производного от общественно полезного труда.

Отправляясь от такого понимания структуры конституционных положений, на наш взгляд, правомерно отдать предпочтение и приоритетность трудовому праву перед гражданским и без всяких сомнений квалифицировать трудовое право в качестве перворазрядного в системе профилирующих отраслей советского права, а не производного и тем более специального. В этом также наглядно обнаруживается оригинальность социалистического права и еще раз подтверждается факт отрицания преемственности в нем, не только по многим параметрам его содержания, но и по структурной композиции, подчиняющейся требованиям принципиально иной иерархии, отличной от буржуазного права.

Обращает на себя внимание и еще одно положение, когда исключительно цивилистическая традиционность препятствует решению другой важной проблемы, также в определенной степени подчеркивающей оригинальность социалистического права, его иммунитет к традиционным принципам буржуазной правовой системы. Речь в данном случае идет о возможности процессуальной формы и сферах ее распространения. Мы глубоко убеждены, что в условиях социалистического общества, когда в корне изменяется структура и субординация управляющих субъектов, вполне обоснованным является всемерное поддержание объективной тенденции приспособления свойств юридического процесса ко всем правовым формам деятельности органов государства, а не только к тем, которые выполняют юрисдикционные функции.

Трудно понять отдельных ученых, которые возражают против унифицированного понимания юридического процесса и не учитывают не только особенностей правового регулирования в социалистическом обществе и фактов значительно расширяющейся практики процедурно-процессуальной регламентации различных сфер государственной деятельности, но также один принципиальный вывод К. Маркса об однопорядковости процедуры суда и представительных органов власти. Как известно, он писал: «...Ту роль, которую в судах играет судопроизводство, в законодательных органах играют порядок дня и регламент» [1, с. 374]. И совершенно несерьезно утверждение противников унифицированного понимания процесса о том, что нетрадиционное, широкое понимание процессуальной формы будет способствовать бюрократизации и даже удорожанию советского государственного аппарата [5, с. 32]. В данном случае у автора некомпетентное представление о том, в чем, во-первых, состоит бюрократизация и удорожание государственного аппарата; во-вторых, в чем смысл концепции унифицированного, нетрадици-

онного понимания юридического процесса как комплексной системы правовых форм деятельности органов социалистического государства, единых по своей сущности и социальному назначению и не воспринявших традиционные принципы разделения властей и поэтому представляющих собой подлинные «работающие» корпорации государственных служащих, избираемых трудящимися и подотчетных им.

Проявлением неоправданного заимствования традиционного принципа взаимоотношения органов государства является широко распространившееся в нашей науке представление о суде как каком-то надгосударственном универсальном органе. Конкретно это выражается, с одной стороны, в том, что чрезмерно преувеличиваются его властные возможности: суды квалифицируются чуть ли не всеохватывающими носителями способов и форм самого справедливого разрешения всех возникающих конфликтов. Таким образом, складывается своеобразное противопоставление судов другим органам государства. По-видимому, с таким пониманием роли и значения суда согласиться сейчас трудно, поскольку в условиях общенародного государства социальная ценность всех его органов одинакова. С другой стороны, также неоправданно отрицаются правотворческие функции судебных органов вообще без учета того бесспорного обстоятельства, что высшие судебные инстанции в силу требования специализации управления могут и обязаны осуществлять общее руководство нижестоящими звеньями, функции профессионального (ведомственного) упорядочения деятельности всей судебной системы по типу и подобию управления, осуществляемого любым министром. В действительности так оно и есть: Верховный Суд СССР и Верховные Суды союзных республик осуществляют целый ряд правотворческих полномочий в форме принятия руководящих указаний по практике применения соответствующего законодательства. В этих актах, как правило, содержатся нормы процессуального характера, направленные на повышение эффективности деятельности судов и поэтому подлежащие их неуклонному исполнению. В связи со сказанным целесообразнее направить усилия науки не на то, чтобы доказывать отсутствие у судов правотворческих функций, а на то, чтобы выяснить природу, характер и конкретное назначение этих полномочий, так четко подчеркивающих оригинальность и необычность суда в общенародном государстве.

Факты неоправданного заимствования традиционных или общепринятых правовых форм имеют место не только в тех сферах, политическая острота которых менее ощутима, но и в тех, где, на наш взгляд, следовало бы проявлять самую высокую степень политической принципиальности.

В частности, необходимо более осторожно, продуманно и ответственно относиться к профессиональному словоупотреблению

и добиваться того, чтобы из его состава полностью исключить термины, часто используемые не к месту, а иногда с акцентом особого достоинства применительно к отдельным государственно-правовым атрибутам социализма. Например, в нашей периодической печати очень часто Верховный Совет СССР называют «советским парламентом», председателя исполкома городского Совета народных депутатов — «мэром», Председателя Президиума Верховного Совета СССР — «президентом», депутата — «парламентарием» и т. д. Представляется, что подобного рода «эпитеты» нисколько не облагораживают, не украшают и тем более не поднимают престиж, авторитет названных органов. Это нельзя расценивать и в качестве политического комплимента. Напротив, такие «эпитеты» принижают подлинную социальную ценность указанных органов и нивелируют их индивидуальность как социальных явлений особого порядка, принадлежащих к такой системе представительных органов власти, которые в корне отличаются от парламентов и в принципе полностью их исключают не только по своему существу, но и по всем формальным моментам. Известно, что классики марксизма-ленинизма резко выступали против системы парламентаризма и отмечали, что социалистическая государственность полностью исключает какую-либо преемственность парламентаризма, включающего в себя чрезвычайно существенные социальные пороки. Они всегда подчеркивали историческую обреченность парламента и его абсолютную неприменимость к социалистическим, подлинно демократическим институтам представительных учреждений государственной власти.

Отметим, что исследование проблемы преемственности в современных условиях, когда советское право, как и общество развитого социализма, развивается на своей собственной основе, должно осуществляться с тех принципиальных позиций, что сейчас при формулировании выводов и рекомендаций по совершенствованию права и правового регулирования всегда следует проявлять максимум осмотрительности и помнить, что право развитого социализма должно полностью исключить какое-либо заимствование из буржуазных правовых систем. Сейчас речь идет о таком состоянии социального развития, когда можно констатировать факт подлинного исторического процесса, знаменующего феноменальный скачок, подобный тому, как это произошло в период процесса превращения обезьяны в человека. Развитой социализм по сравнению с капитализмом — это общество, освободившееся от капиталистического «животного» состояния, это высокоорганизованный и высокоинтеллектуальный социальный организм, несущий на себе совершенно иные социальные черты и поэтому в принципах своей жизнедеятельности несовместимый с еще существующими соседними генетическими предками.

Такой острый сравнительный акцент необходим, на наш взгляд, прежде всего потому, чтобы иметь возможность отработать общие методологические основы боевого, наступательного характера юридической науки как разновидности обществоведения, где нет и не может быть какого-либо сосуществования, а идет непримиримая борьба двух противоположных мировоззрений, исключая всякие компромиссы. Этому забывать нельзя, и на это снова ориентирует недавнее постановление ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы».

Список литературы: 1. *Маркс К.* Из парламента: предложение Булвера, ирландский вопрос. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 11, с. 374—377. 2. *Ленин В. И.* Письмо Д. И. Курскому с замечаниями на проект Гражданского кодекса. — Полн. собр. соч., т. 44, с. 411—412. 3. *Алексеев С. С.* Структура советского права. М., Юрид. лит., 1975, 264 с. 4. *Бабаев В. К.* Советское право как логическая система. М., Изд-во АН МВД СССР, 1978, 212 с. 5. *Боннер А. Т. К.* Маркс о соотношении материального права и процесса. — Правоведение, 1978, № 4, с. 30—38. 6. *Неновски Н.* Преemptивность в праве. М., Юрид. лит., 1977, 68 с. 7. *Стучка П. И.* 13 лет борьбы за революционную теорию права. Сборник статей. 1917—1931. М., Изд-во НКЮ, 1931, 150 с.

А. И. Рогожин, д-р юрид. наук

Харьковский юридический институт

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ В ВОЕННОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ В УССР В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Более шестидесяти лет прошло после победы Великой Октябрьской социалистической революции и установления Советской власти в нашей стране. Огромная заслуга в этом принадлежит славной Советской Армии — «армии, созданной революцией, воспитанной партией, неразрывно связанной с народом» [3, с. 286]. Красная Армия под руководством Коммунистической партии, опираясь на всестороннюю поддержку трудящихся масс, отстояла завоевания Октября. «Весь ход борьбы с внутренней контрреволюцией и иностранными интервентами, — говорится в Постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции», — показал, что революция может закрепить свою победу только в том случае, если она умеет защищаться» [2, т. 12, с. 427]. Именно в целях защиты социалистических завоеваний во всех братских советских республиках с первых дней пролетарской революции приступили к строительству вооруженных сил трудящихся. Оно осуществлялось в рамках становления и развития федеративного союза братских советских республик, что в свою очередь способствовало укреплению интернациональных связей в строительстве революционной армии.